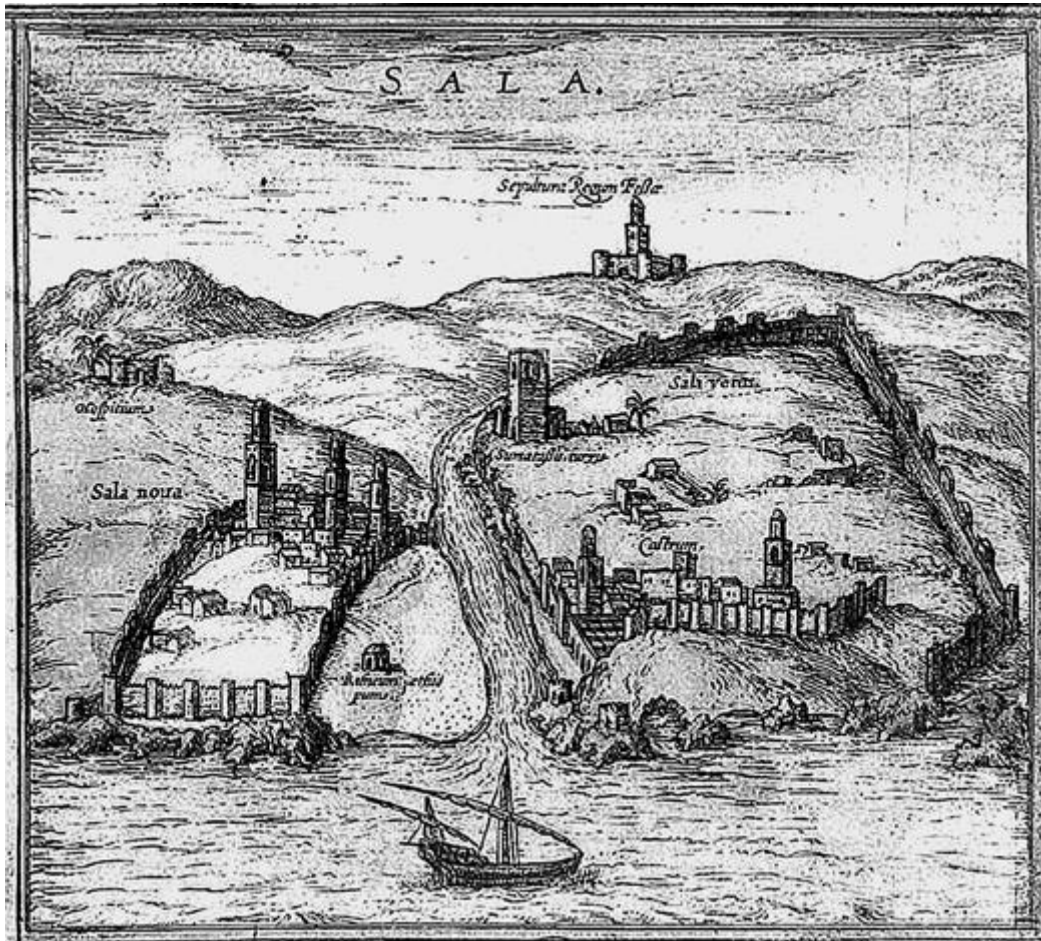

VI. Мавританская республика Сале

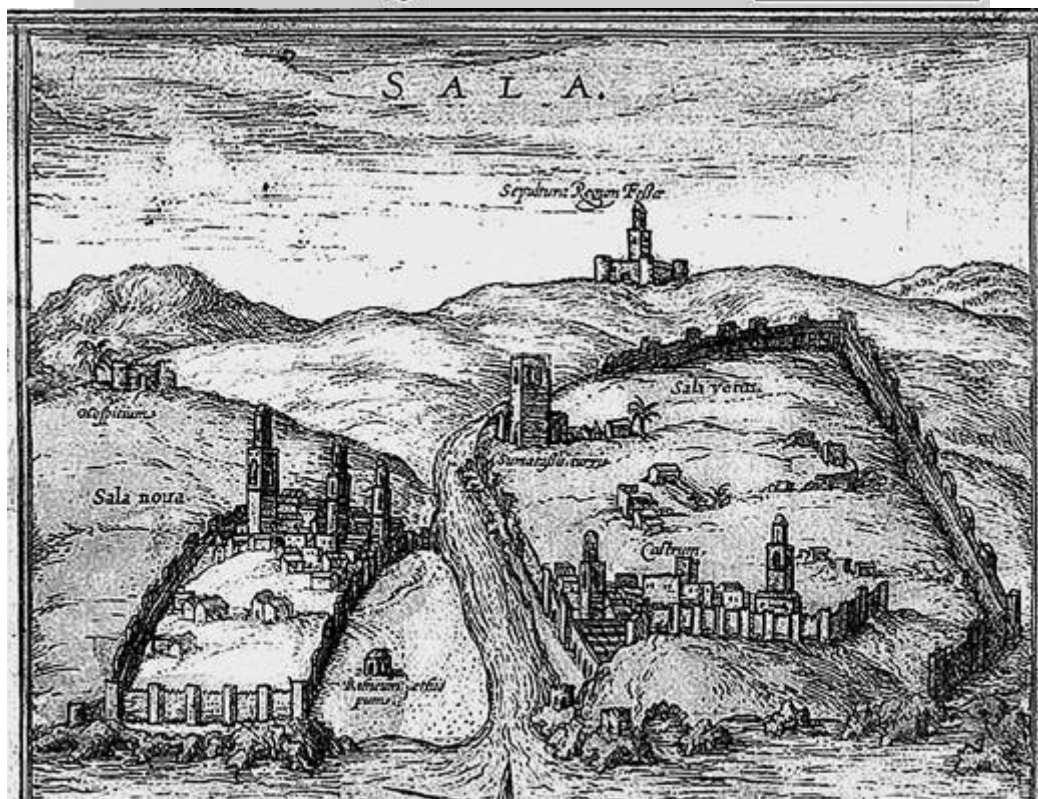
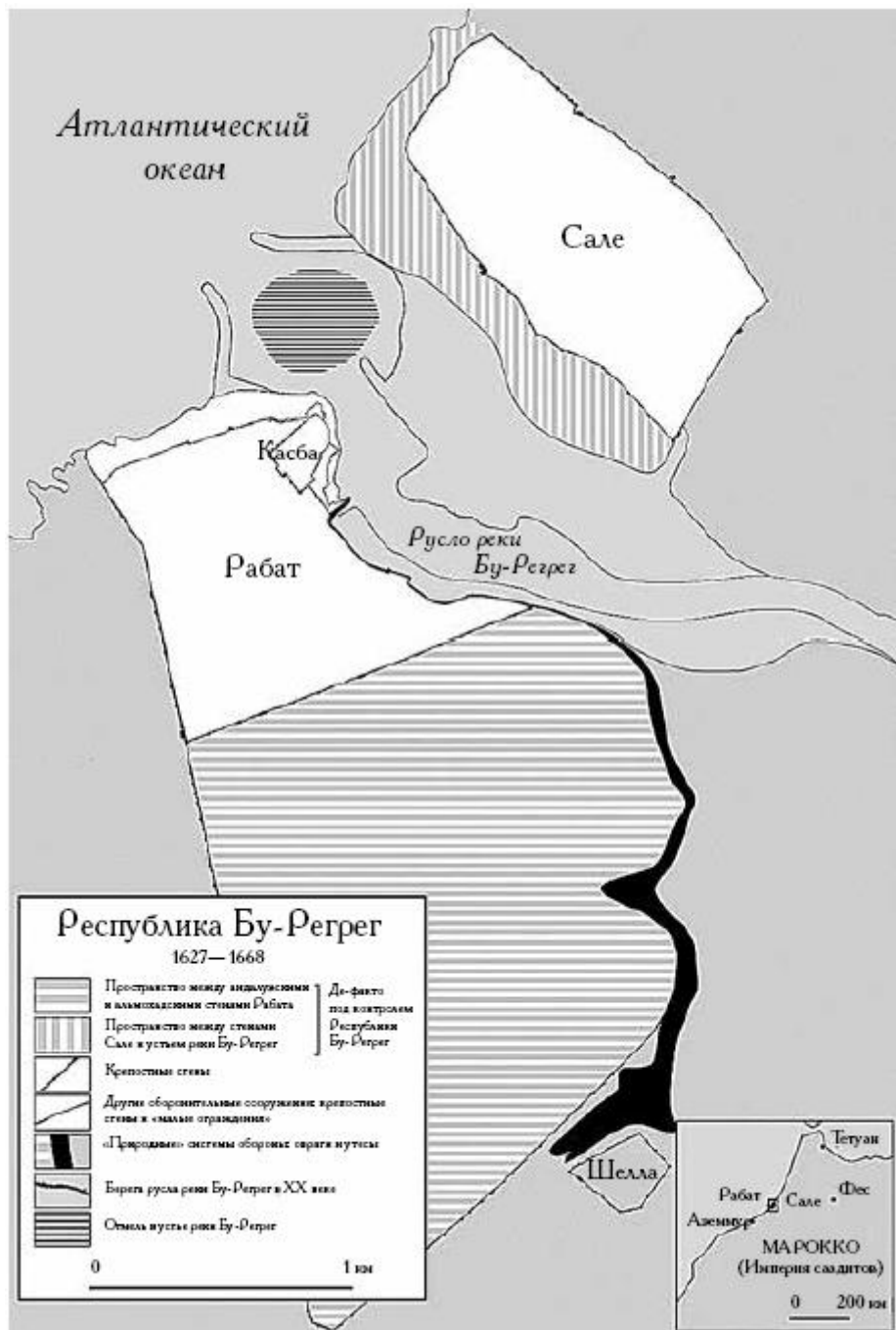
Окрестности Сале, кажется, были обитаемы задолго до появления *homo sapiens sapiens*. В этой местности хорошо представлена культура медного века, а также «олдувайская культура», жили здесь и неандертальцы. Отмечены все стадии палеолита, и, разумеется, неолита, или «культуры атлантических мегалитов»¹. Название «Сале» (Сала или Сла) может быть чрезвычайно древним и происходить от берберского слова *asla*, означающего «скала». Старый некрополь в Сале, называемый Челла (то есть фактически вновь то же название), датируется, по меньшей мере, временами Карфагена (около VII века до н. э.). Римляне называли эту местность *Sala Colonia*, она была частью их провинции Мавритания Тингитанская. Она упоминается у Плиния Старшего (как заброшенный городок, заполонённый слонами!). Вандалы подвергали эту округу вандализму в V веке н. э. и оставили после себя некоторое количество светловолосых, голубоглазых берберов. В VII веке арабы сохранили это старое название и считали, что оно происходит от Салы, сына Хама, внука Ноя, они говорили, что Сале был первым из всех городов, построенных берберами.

Георг Браун и Франц Хогенберг. Город Сале. 1572

Сале, по всей видимости, довольно запоздало принял ислам и среди мусульман стал известен как «пограничный город»; но к IX веку он уже был определённо исламским, а границей стал сам океан. В X веке, когда исмаилитский халифат каирских Фатимидов завоевал Дальний Запад Африки, Сале, очевидно, служил местом размещения военного гарнизона: крепость, или рибат, построенная на южном берегу реки Бу-Регрег, напротив Сале, стала поселением, позднее известным как Рабат. Военные кампании были направлены против местных берберских племён, принявших хариджитскую доктрину (своего рода фундаментализм, равно противостоящий и шиитской, и суннитской ортодоксии). К XI веку Сале превратился в оформившийся крупный город с теми самыми характерными чертами, которые сохраняются у него и до настоящего времени. Чтобы вникнуть в ход последующих событий, важно визуально представлять себе географическую и городскую топографию, поэтому ниже представлена схематическая карта.

Впоследствии европейские комментаторы использовали название Сале (иногда также в вариантах Салле или Салли) по отношению ко всему этому комплексу поселений, но на самом деле здесь представлено три различных «города», каждый из которых выработает свой собственный характер и свою участь: первый – это «Старый» Сале (современный город Сале). Второй – «Касба» на южном берегу реки, небольшой, обнесённый стенами самостоятельный анклав. И третий – «Новый» Сале (основа того, что в конце концов станет известно как Рабат, современная столица Марокко). Для простоты понимания мы будем называть эти поселения соответственно – Сале, Касба и Рабат.

В XI веке в Сале из Кордовы прибыли первые испанские мусульмане, или «андалусийцы», принеся с собой свою величественную и утончённую мавританскую культуру, архитектуру, музыку, духовность, кухню, нравы и т. д. К этому времени Сале уже сформировался в социологическом плане – как портовый город, где встречались, перемешивались и развивались городская «арабо»-андалусийская и сельская берберская культуры, образуя культуру марокканскую.

В период правления Альморавидов (1061–1164) и Альмохадов (1130–1269) Сале развился в важное связующее звено в торговле с Европой и с Африкой (знаменитые ежегодные золотые караваны), и стал также одним из общепризнанных центров мавританской культуры, образования, благочестия и учёности. Прибывали новые андалусийцы, в особенности из Гранады. Сале уже был известен как место прибежища для набожных людей, как город марабутов, гробниц, святых и святынь. Некоторые из этих святых сыграют активную роль в нашей истории – даже (или, вероятно, в особенности) после своей смерти. Здесь оказались представлены два типа духовности, сопоставимых с «городскими» андалусийскими и «сельскими» берберскими элементами в этой культурной смеси. Некоторые святые были ортодоксами, в высшей степени праведными, вовлечёнными в классический учёный суфизм ордена Шазилийя²; другие же были более «марабутского» типа, то есть неортодоксальными, народными святыми, чудотворцами. Многие из важнейших святых Сале появились на протяжении XIII столетия, во время «золотого века» династии Маринидов (1216–1645), когда оживлённая торговля с Европой и относительные мир и процветание в Магрибе и Испании привели к грандиозному расцвету культуры и архитектуры. Знаменитые мечеть и медресе (богословская школа) Сале, до сих пор считающиеся одними из самых живописных сооружений Марокко, были построены при Маринидах, так же как и больница, акведук, странноприимный дом для суфиев и другие общественные здания.

Изгнанный из Гранады визирь Лисан аль-Дин («Язык Веры») ибн-Хатиб посетил Сале в середине XIV века и восхищался его красотой и прелестями его базаров, включая «самых изысканных из абиссинских рабынь»; вероятно, он думал о них, когда написал стих, ставший неофициальным девизом Сале:

Даже развлечения не могут развеять
грусть в моём сердце,
но наполнившись бризом Сале,
оно исцелилось³.

Примерно в то же время в городе поселился один из важнейших святых Сале – из числа их учёной и ортодоксальной разновидности – Сиди Ахмад ибн Ашир, «доктор», учитель таких столь знаменитых суфиев, как Ибн Аббад аль-Рунди, а также более марабутской личности, некоего ловца кораллов из Турции, известного просто как «Турок», ставшего своего рода святым покровителем местных моряков. Сам Сиди Ахмад ибн Ашир мог благословлять океан и усмирять шторма, так что его могила позднее стала популярным местом паломничества для пиратов.

После смерти ибн Ашира в 1362 году Сале и Мариниды начали медленно клониться к упадку – но это был мирный и всё ещё весьма благоденствующий декаданс. Лев Африканский,

посетивший город в XVI веке, оставил следующее его описание:

“ Дома в городе построены так, как строили их древние, но они украшены мозаикой и мраморными колоннами. Кроме того, очень красиво и изящно отделаны все храмы. Таковы же и лавки, устроенные под широкими и красивыми портиками. Если пройти мимо многочисленных лавок, окажешься перед арками, построенными (как говорят) для того, чтобы отделять одно ремесло от другого. Я прихожу к выводу, что этот город имел все прекрасные качества и характерные черты, присущие совершенной цивилизации, тем более что при нём есть хороший порт, который часто посещался христианскими купцами из разных стран... так как он служит портом для всего королевства Феса.

Но хотя Сале и был быстро восстановлен [после нападения кастильцев в 1260 году], тем не менее населения в нём стало гораздо меньше. В смысле цивилизации он потерял ещё больше. По всему городу, а особенно по соседству с крепостной стеной, можно видеть многочисленные пустые дома с прекраснейшими колоннами и окнами из разноцветного мрамора, но сегодняшние жители Сале их не ценят.

...есть много огородов и полей, с которых собирают большое количество хлопка. Жители Сале в большинстве своём ткачи и изготавливают очень тонкое и красивое хлопчатобумажное полотно. Там выделывают также большое количество гребней, которые посылают на продажу во все города королевства Феса: по соседству с этим городом большие леса самшита и многих других пород деревьев, пригодных для подобного производства.

В настоящее время население Сале живёт достаточно цивилизованно. В городе есть наместник, судья и многие другие службы, такие как таможня и сбор таможенных пошлин, ибо туда приходит много генуэзских купцов, делающих большие дела... их деятельность приносит [королю Феса] большую прибыль⁴.

К этому же периоду (конец XV – начало XVI века) относится и возникновение культа официального святого покровителя города Сале – Сиди Абдуллы ибн Хассуна, который – по меньшей мере в духовном смысле – был глубоко вовлечён в сотворение последующей уникальной истории Сале. Сиди Абдулла представляет собой интересный пример смешения учёной и марабутской традиций. Он не обладал выдающимся образованием и не вёл свою родословную от Пророка⁵, но зарабатывал на жизнь написанием магических текстов для амулетов. После его прибытия в Сале за ним последовала ходячая пальма, пустившая корни на месте будущего мавзолея святого. Суфии города пришли в такое исступление, что превратились в птиц. Когда же к нему явились женщины города, он сам обратился в женщину, чтобы принять их, не вызывая скандала! Празднество в его честь всё ещё отмечается накануне дня рождения Пророка (Мавлид), а его главным событием является процессия со свечами (основанная на турецком обычае), пользовавшаяся особой любовью

корсаров; они шествовали облачёнными в свои самые красочные и роскошные одежды. Самым известным учеником Сиди Абдуллы был марабут и воин джихада по имени Мухаммад аль-Аййаши, сыгравший важную роль в великой эре корсаров, которая вот-вот должна была начаться.

“ В течение XV и XVI веков произошла кардинальная перемена в балансе сил стран Западного Средиземноморья. Падение мусульманской Гранады в 1492 году обозначило окончание семи столетий марокканской экспансии и заселения Иберийского полуострова. На протяжении четверти века все важнейшие портовые города марокканского атлантического побережья, за исключением одного, оказались в руках растущих империй Испании и Португалии. Единственным исключением был Сале.

Среди множества тех людей, которые появлялись в Сале в этот период, был Мухаммад аль-Аййаши (упомянутый выше как ученик ибн Хассуна), один из самых любимых героев в марокканской истории. Аль-Аййаши происходил из племени Бану Малик, одного из тех племён арабов-хилали, что обосновались в Гарбе, области, лежащей за Сале в глубине страны. Поселившись в городе примерно в конце XVI века, он, как рассказывают, посвятил свою жизнь учению и аскетизму под руководством своего шейха Абдуллы ибн Хассуна и прославился своим благочестием, безмолвием, продолжительными постами и чтением Корана. Однажды, как гласит легенда, группа племенных вождей, пришедших к Сиди Абдалле, преподнесла ему в дар коня. Он послал за своим учеником аль-Аййаши и велел тому оседлать коня и отказаться от своего обучения, дабы найти с помощью Всевышнего своё благополучие и в этом мире, и в грядущем. Святой связал своего ученика клятвой исполнять свой долг, благословил его и наказал ехать в город Аземмур.

За несколько лет, прошедших после этого легендарного события, аль-Аййаши стал наместником Аземмура, защитником южного Марокко от испанцев и португальцев, а также опасным соперником династии Саадитов, которая пришла к власти в первой половине XVI века. В 1614 году аль-Аййаши едва избежал покушения, спланированного саадитским султаном, и вернулся в Сале. С этого момента и до своей смерти в 1641 году от рук арабского племени из Гарба, аль-Аййаши сражался с испанцами и португальцами на побережье Атлантики и Средиземного моря, став независимым правителем области к северу и к востоку от Салеб.

Кристоф Вейдиц. Мориски в Гранаде. 1529

Граждане Сале всегда были рады видеть в своём сообществе мавров, прибывавших из Испании как до, так и после 1492 года. В первом десятилетии XVII века начал появляться новый тип иммигранта. Последние мавры Испании, будь то всё ещё остающиеся приверженцы ислама (мудехары) или же номинально обращённые в христианство «мориски» (в Сале называвшиеся «андалусийцами»), из-за расистской и реваншистской политики Испании оказались ввергнуты в череду восстаний и массово изгнаны из страны, согласно серии эдиктов Филиппа II в период между 1609 и 1614 годами. Один из традиционных историков Сале утверждает, что когда эти новые беженцы появились и попытались снять себе дома, то «в силу их немусульманского поведения, испанской

одежды, языка и манер, из-за нехватки у них чувства стыда и достоинства, им не позволили» остаться⁷. В 1610 году прибыли «орначерос» (от названия деревни Орначос в Эстремадуре) – сплочённая группа всё ещё убеждённых мусульман, говоривших по-арабски, притом весьма состоятельных. К сожалению, по-видимому, их богатство проистекало от того, что они подкупили христианских чиновников, разрешивших им носить оружие, и стали заниматься разбоем и фальшивомонетничеством; заселение орначерос в старый Сале, в город святых и святынь не было признано сотте il faut^[13]. Поэтому они переместились южнее, за реку, и построили пригород Касба, где и обосновались⁸.

Новоприбывшие мориски были, однако, ещё более чужеродными – они говорили на испано-арабском или даже просто испанском языке, носили христианские имена, совсем не были богаты и казались даже ещё более простонародными, чем орначерос. Поэтому морискам пришлось удовольствоваться землёй за Касбой (частью современного Рабата), где они образовали свою совершенно самостоятельную общину. Они жаждали отомстить Испании и в скорости стали горячими приверженцами корсарства.

Когда Мариниды потерпели окончательный крах, позволив всему Марокко погрузиться в состояние хаоса, гражданской войны и династических интриг⁹, все эти три города на реке Бу-Регрег уже были населены. Номинальными правителями страны теперь стали Саадиты, не сумевшие установить должную организацию, к тому же они происходили из Марракеша, лежащего далеко к югу.

Между тем марабут аль-Айшаши прославлял своё имя в джихаде против Испании и других христианских держав, вторгавшихся в Марокко, – и действительно, его до сих пор помнят как великого героя марокканского национализма. Он отправился на путь священной войны, послушавшись своего господина, Сиди Абдуллу ибн Хассуна, и сумел стать наместником Аземмура; его не любили ни европейцы, ни саадиты Марракеша – попытавшиеся наслать на него убийц в 1614 году, а затем выславшие против него войско.

Аль-Айшаши отступил в Сале, где правители всех трёх городов согласились его защищать. Вскоре (точная дата неизвестна) мориски Рабата провозгласили себя независимой республикой во главе с правителем, или «Великим Адмиралом», избравшимся лишь на очень короткий срок – один год – и диваном, или советом, состоявшим из четырнадцати старейшин, советников или капитанов. Касба следовала за этими веяниями и в 1627 году или около того создала республику Орна-черо. Обе эти республики поначалу согласились признавать власть аль-Айшаши как «предводителя джихада», при условии, что тот будет уважать их автономию, – но этим дружественным отношениям не было суждено продлиться долго.

Аль-Айшаши занял резиденцию в Старом Сале и построил себе два форта сразу за городскими стенами, обращёнными к Рабату, и с подземным туннелем (сохранившимся до настоящего времени), ведущим к его дворцу внутри крепости. Его самыми горячими сторонниками были автократы старого города, и теперь Сале также объявил себя независимым под его духовной и политической властью. Теперь на берегах Бу-Регрега располагались три республики – все они были вовлечены в Священную войну, в пиратство и в восстание против Саадитов – а также в непрерывные раздоры друг с другом.

Около 1614 года, когда прибрежный город Мамора[14] был захвачен испанцами, множество пиратов самого разного происхождения бежали в Сале и были тепло приняты орначерос и андалусийцами¹⁰. Они стали ядром ренегатского сообщества и поселились в Рабате – поэтому на самом деле «пираты из Сале» были рабатскими пиратами, хотя оба этих поселения часто называли Сале, а в корсарской торговле участвовали все три эти республики. Вероятно, можно представить их напоминающими три клана разбойников на англо-шотландской границе, непрерывно враждующих между собой, но объединяющихся ради набегов на Англию. Язвительные колкости, перебранки, ссоры, оскорбления чести и другие забавы время от времени уступали место открытой гражданской войне, в особенности в период между 1627 и 1641 годами, но никому не позволялось мешать ведению бизнеса или препятствовать притоку добычи.

Это запутанная ситуация, источники также запутаны, но насколько я понимаю, дело обстояло следующим образом: орначерос финансировали пиратство и строили флот, они были склонны как возмущаться старыми автократами Сале, так и третировать принадлежащих к низшему классу морисков или андалусийцев Рабата. Эти последние в основном служили рядовыми на корсарских судах, а иногда занимались шпионажем (поскольку могли сойти за испанцев). В их городе Рабате и обитало интернациональное корсарское сообщество, а также европейские купцы и консулы (на существующей и поныне улице Консулов), по всей вероятности, большинство таверн и борделей также находилось в этом районе¹¹. Из всех трёх групп андалусийцы менее других были сторонниками аль-Аййаши и Священной войны, несмотря на то, что они первоначально приняли его, разделяя с ним общую ненависть к Испании. Их раздражал его авторитаризм, а также, вероятно, его попытки вмешаться в политические дела их республики. В конце концов, возмущившись, они отказались в дальнейшем поддерживать его новые войны за веру – вследствие чего аль-Аййаши обратил на них свой священный гнев, открыв огонь по Рабату из своих любимых пушек (как железных, так и куда более качественных бронзовых), установленных на стенах его фортов в Сале.

Старый Сале был заинтересован в первую очередь в джихаде аль-Аййаши и восстании против Саадитов – однако жители Сале явно не хотели участвовать в корсарских предприятиях – ни в качестве инвесторов, капитанов, матросов, солдат, ни как скупщики добычи, пленников и рабов. Тем не менее по иронии судьбы Сале остался в памяти именно как корсарский город, хотя этот романтический титул с куда большим основанием должен был принадлежать Касбе или Рабату – поселениям на другом берегу реки. Соперничество между Сале и Рабатом сохраняется и в наши дни. Как пишет К. Браун:

“ Эпизоды борьбы XVII века со временем превратились в смутные исторические воспоминания. Жители Сале, поначалу рассматривавшие новых пришельцев в Рабате как ан-Насара Аъ-Кашталийин (христиан из Кастилии), стали называть их ‘ль-Мслмин д-р-Рбат (разг, «мусульмане Рабата») – отчасти шуточным, отчасти колким прозвищем, намекающим на недостаток их рвения в вопросах веры. Со сравнимой иронией жители Рабата вспоминают о безумстве обитателей Сале. Они их называют кайихмаку фи-л-аср (разг, «теряющие разум во время слепополуденного

намаза»). Салесийцам тоже есть что вспомнить. Они рассказывают, что при аль-Айшаши, когда жители Рабата якшались весь день с неверными, салесийцы занимались своей работой. Однако когда наступало время вечерней молитвы, они брались за оружие, чтобы сражаться с предателями Рабата. Но два этих города, находившихся, по выражению адмирала Рейнсборо[15], на расстоянии выстрела друг от друга, стали дружескими врагами. Их называли аль-адуватайн («два берега»), что, при игре с арабским корнем, напоминает о слове аль-адувайн («два врага»). Взаимная антипатия жителей этих городов становится не более чем подтруниванием и выражается как у одних, так и у других в прозорливой поговорке: уакха йуелли ль-уэд хлиб уар-рмель збиб, майкунши р-Рибати ли-с-Слауи хбиб (Стань река [Бу-Регрег] молоком, а пески – изюмом, и тогда рабатец не станет другом салесийцу). Эти друзья-враги на той стороне реки в Рабате были в худшем случае враждебно настроенными братьями. Несмотря ни на что они были мусульманами и ассимилировались в арабской культуре этой страны¹².

Первоначально ссоры между андалусийцами Рабата и орначерос Касбы фокусировались на доходах таможни, которыми орначерос отказывались делиться, говоря, что все эти средства нужны им для обороны и ремонта укреплений. Андалусийцев эти аргументы не убеждали, и к 1630 году «гордые хозяева Касбы и обделённые наследством жители нижнего города уже в открытую находились в состоянии гражданской войны»¹³. Старый Сале принял сторону орначерос, и по иронии мир был восстановлен лишь при дипломатическом вмешательстве английского консула Джона Харрисона¹⁴, который в мае 1630 года составил соглашение, положившее конец военным действиям. Тремя пунктами этого соглашения были:

1-й, андалусийцы будут избирать собственного руководителя, или каида, однако его резиденция будет в Касбе¹⁵;

2-й, диван будет состоять из 16 представителей от Касбы и столько же от Нового Сале;

3-й, доходы (включая морские трофеи и таможенные пошлины) будут равно распределяться между Касбой и Новым Сале.

Таким образом, два города оставались независимыми как друг от друга, так и от Старого Сале, однако «по сути Касба стала главным центром мавританской Республики Сале, а её правители начали пользоваться более или менее преобладающей властью над городами по обоим берегам [реки Бу-Регрег]»¹⁶.

Новый баланс сил оказался непрочным, и в 1631 году аль-Айшаши снова нарушил мир. Андалусийцы предали его, отказавшись послать ему штурмовые лестницы, в которых он нуждался при осаде Маморы. Он попросил религиозных руководителей Старого Сале составить фетву, или решение, позволяющее ему усмирить корсаров Нового Сале и Касбы, «ибо они воспротивились Аллаху и его Пророку, помогли неверным и дали им советы... они распоряжаются по своему усмотрению собственностью мусульман, лишая их дохода и монополизировав торговлю к своей выгоде»¹⁷. Аль-Айшаши подверг обстрелу из своих орудий

и взял южный берег реки в осаду, продолжавшуюся до октября 1632 года, когда она закончилась неудачей.

Мир воцарился лишь на короткое время, и в 1636 году андалусийцы предприняли нападение на Касбу, которое увенчалось успехом. Многие орначерос бежали из города, оставив его в полной власти морисков. Теперь победоносные андалусийцы обратили свой гнев против Старого Сале. Они построили понтонный мост через Бу-Регрег и осадили город на северном берегу. Аль-Айяши, отсутствовавший из-за джихада, поспешил вернуться для защиты своих людей.

К несчастью для андалусийцев, баланс сил (доселе, как казалось, благоволивший им) поменялся не в их пользу с новым появлением 3 апреля 1637 года английского флота, возглавляемого адмиралом Рейнсборо, уже посещавшего Сале с целью выкупа английских пленников годом ранее (под командованием лорда Картерета, основателя Нью-Джерси). Один бывший пират, служивший под началом Рейнсборо, оставил нам интересный рассказ об этой экспедиции¹⁸.

Англичане решили иметь дело только с аль-Айяши, которого они называли (несомненно, с типичной британской иронией) «Святым». Возможно, этот марабут отказался отпустить пленников, пока ему не окажут помощь, и Рейнсборо с явным энтузиазмом полез в драку, переместив некоторые из своих мощных и новейших пушек с кораблей на берег и начав бомбардировку Нового Сале. Понтонные мосты затонули, и осада была сорвана. С британской помощью аль-Айяши удалось действительно отрезать все пути снабжения в район Касбы и Рабата, а также сжечь поля за городскими стенами.

Рейнсборо снялся с якоря 30 августа 1637 года, но андалусийцы уже получили сполна. Они капитулировали, согласились восстановить повреждения, причинённые Старому Сале, позволить орначерос вернуться и снова распределять пошлины и добычу в пропорции 50/50.

В этот момент в дело вновь решил вмешаться саадитский султан Марокко; он нанял одного из капитанов-рenegатов, француза по имени Мурат-рейс (его не следует путать ни с албанским / алжирским капитаном с таким же именем, о котором уже рассказывалось ранее, ни с голландским ренегатом Мурат-рейсом («Младшим»), с которым мы встретимся позднее), чтобы тот захватил для Султана Касбу. Теперь андалусийцам и орначерос пришлось отбросить свою враждебность и объединить силы, чтобы изгнать людей Султана, снова установивших ненавистный десятипроцентный налог. Им удалось одержать победу. Но мир опять оказался непрочным; спустя несколько месяцев аль-Айяши вновь решил уничтожить рабатских *“gens sans foi ni loi”*[16]. На этот раз попавшие в нелёгкое положение мавры и корсары решили, что им нужна помощь союзника. Аль-Айяши был суфием, поэтому они решили заручиться поддержкой соперничающего суфия – некоего Мухаммада аль-Хаджа ибн Абу Бакра аль-Дала’и.

Дед Мухаммада аль-Хаджа был великим святым области Среднего Атласа, где он основал важный суфийский центр и преобразовал местные берберские племена в крупное братство – далаийя. Он учил джазулий-скому/шазилийскому направлению суфизма, концентрировавшемся на почитании Пророка, а также обширной программе общественных

С поражением аль-Аййаши далаиййа получило возможность занять Сале.

“ ...В занятом Сале на десять лет вождь братства далаиййа сохранил автономию андалусийцев. Они лучше представляли, как вести дела с европейцами, а опосредованные контакты с христианами не слишком серьёзно компрометировали религиозную репутацию вождя, при этом обеспечивая его необходимыми товарами, в особенности оружием.

В течение десяти лет (1641–1651), когда андалусийцы контролировали Сале под номинальным правлением ордена далаиййа, с ними напрямую взаимодействовали европейские агенты, направлявшиеся в основном для решения вопросов, связанных с пиратством или торговлей. Начиная с 1643 года в Сале находился нидерландский консул; роль французского консула с 1629 года исполнял живший в Марселе купец, имевший своего агента в Сале, однако с 1648 года и французское правительство назначило в этот город своего действительного консула. В 1651 году Мухаммад аль-Хадж назначил своего сына Абдуллу наместником Сале. Так как Абдулла одновременно отвечал и за иностранные дела государства далаиййа, его назначение могло означать, что отношения этого суфийского братства с Европой стали играть настолько важную для него роль, что их следовало доверить члену правящего дома. Но андалусийцы продолжали оказывать влияние на ведение международных дел, работая переводчиками и секретарями, составляя проекты посланий Абдуллы иностранным правителям и давая ему советы по договорам, которые он заключал с некоторыми из них.

Из всех иностранцев наиболее тесные отношения у далаиййа были с голландцами. Длительные переговоры между Абдуллой и голландцами об условиях договора, заключённого в 1651 году и пересмотренного в 1655 и 1659 годах, позволяют сделать вывод, что голландцы в 1650-е годы были активно вовлечены в торговлю с Марокко. Периодически возникавшая проблема заключалась в том, что, с одной стороны, Сале был центром торговли, а с другой – базой для пиратов. Голландцы были готовы признать право корсаров Сале нападать на корабли их общего христианского противника – Испании, получив обещание, что их собственным судам не будут досаждать. В то же время им не нравились дружественные отношения, сложившиеся у пиратов Сале и вождей далаиййа с правителями Алжира. Алжирским пиратам предоставлялись услуги в Сале, им также было дозволено продавать здесь награбленные товары. Попытки голландцев включить в договор положение, запрещавшее андалусийцам сотрудничать с алжирскими пиратами и торговать с Алжиром, часто приводили к блокированию переговоров. Красноречиво демонстрирует объём торговли Нидерландов с Марокко в это время тот факт, что позиции голландцев всякий раз смягчались, когда наместник Сале грозил поднять пошлины на экспорт и импорт выше традиционных десяти процентов²⁰.

Быть может, при режиме далаиййа Республика Бу-Регрег и потеряла часть своей автономии, но также кое-что и приобрела – по крайней мере, определённый мир и баланс в номинальном султанате этого суфийского ордена. В любом случае, последние два десятилетия этой тройственной республики были её самым золотым временем, по крайней мере, в отношении пиратства. Избавленные, наконец, от междоусобных столкновений, все три города-государства смогли направить свою враждебность во внешний мир – в форме корсарской Священной войны. Более того, если считать корсарские республики в их чистейшей форме (1614–1640) уникальными политическими образованиями, то режим кондоминиума корсаров и суфиев, продолжавшийся с 1640 по 1660 год, можно лишь характеризовать плеоназмами вроде «был ещё более уникальным». Этот режим поражает воображение – и в самом деле, он был слишком хорош, чтобы оказаться долговечным. Андалусийцы и пираты всё сильнее и сильнее начинали ощущать тяжесть руки ордена далаиййа и его главы в Сале – Сиди Абдуллы, «князя Салийского». Они принялись выискивать какие-то возможности восстановить своё первоначальное положение абсолютной независимости, которая теперь начала приобретать весь ореол древней и почитаемой традиции.

Тем временем... один из учеников ставшего мучеником марабута аль-Аййаши, араб из Эль-Араиша (и уже потому враг берберов братства далаиййа, этих «безрубашечных животных», как их называл один исламский историк; «звери, которых может сдерживать только пьянство или террор» – как с типичным для городских арабов предубеждением писал другой), взялся за оружие и основал собственную монархию на Севере²¹. Этот человек, носивший имя Гайлан, выглядел для андалусийцев Рабата потенциальным избавителем. Они подняли восстание и осадили в Касбе «Князя» Абдуллу. Глава ордена далаиййа М. аль-Хадж выслал на подмогу сыну войско, но оно было разбито Гайланом в июне 1660 года. Однако Абдулла продолжал отважно держаться в Касбе ещё год, получая помощь в снабжении по морю от английского наместника Танжера. Наконец, когда в июне 1661 года у него закончилось продовольствие, ему пришлось сдать крепость.

К этому времени андалусийцы разочаровались в Гайлане так же сильно, как они невзлюбили далаиййа, – а по правде сказать, даже сильнее. Несмотря на то что они только что изгнали далаиййа, горожане приняли решение снова стать на сторону этого режима, дабы отбросить Гайлана, пока он не стал для них ещё худшим повелителем. В течение четырёх лет они играли в недотрог, но в 1664 году капитулировали перед Гайланом и согласились выплачивать ему ненавистный десятипроцентный налог.

В конце концов, последние остатки вольности Сале были сметены в 1668 году возвышением династии Алауитов и их султаном Мулай Рашидом, сумевшим впервые с 1603 года объединить всю страну. У него не было намерения прекращать весьма доходную священную войну городов на реке Бу-Регрег против Европы, и он обещал корсарам своё покровительство. Таким образом, хотя республика и исчезла, пиратство сохранилось – до поры до времени. К сожалению, Алауиты отличались непомерным аппетитом и раз за разом увеличивали свой «кусок» с 10 % до более чем половины. Наконец корсары осознали, что значительные прибыли больше им уже не светят. Мавританские пираты оставались здесь и становились капитанами в султанском «флоте», вероятно, так же поступали и некоторые из ренегатов. Другие же, вероятно, испытывали искушение переместиться в Карибский бассейн или на Мадагаскар, где расцвет пиратства только начинался. Нас не должна

заботить позднейшая история Сале да и Варварийского берега в целом. С исчезновением республики теряются и свидетельства наших ренегатов, поэтому в следующих главах мы возвратимся к времени расцвета республики (1614–1660) и попытаемся исследовать непосредственно самих ренегатов, а также повседневную жизнь этих новообращённых – после того, как рассмотрели их политическую/военную историю.

Версия #1

Зверобой создал 7 августа 2025 05:46:56

Зверобой обновил 7 августа 2025 05:51:17